

Глава 8. Бедный малыш

Услышав слова Цзи Цинье, Ся Хуайянь медленно поплёлся в его сторону.

В восприятии Ся Хуайяня тон Цзи Цинье нёс в себе куда больше заботы, чем холодности.

Наверное, о нём уже так долго никто не заботился, что от одного лишь ощущения чужого приближения крошечная искра, всё ещё тлевшая в его погружённой во тьму душе, внезапно ярко вспыхнула.

Цзи Цинье спросил:

— Из-за чего ты плачешь?

Ся Хуайянь покачал головой, его ресницы намокли от слёз, кончик носа покраснел, а испуганный взгляд был устремлен в пол.

Стоило кому-то проявить о нём заботу, как на душе стало еще обиднее. Опустив голову, он заронил на пол крупные, как горошины, слёзы.

Его хрупкие плечи слегка опустились, и сам он казался таким маленьким и беспомощным.

Цзи Цинье спросил снова:

— Где ты ударился?

— Прости... — Ся Хуайянь смущённо потёр глаза. Ему было и горько, и стыдно, поэтому говорил он медленно и запинками, но всё же честно ответил: — Когда я бежал сюда, то случайно упал в коридоре.

За вчерашний и сегодняшний день произошло столько всего, и он так расслабился рядом с Цзи Цинье, что это вылилось в подобные слёзы.

Не зная, что на уме у мужчины, Ся Хуайянь сидел неподалёку, поджав губы и храня молчание.

Тело по-прежнему ломило. Возможно, из-за того, что он немного расслабился, ощущения стали острее, и телесный дискомфорт чувствовался даже сильнее, чем днём.

Совсем рассоловев от жара, Ся Хуайянь думал, что сейчас его начнут ругать и бить, но вместо этого мужчина лишь взял его за руку и слегка притянул к себе.

Наверное, Цзи Цинье счёл себя опрометчивым и глупым, раз принял такой растерянный вид.

Тот слегка нахмурил брови и не произнёс ни слова.

Казалось, у него было что-то на уме, но спустя долгое время он так ничего и не сказал.

Цзи Цинье привёл его к дивану, ведя за собой шатающегося слева направо человека. Заметив это, мужчина чуть шевельнутой бровью и невольно замедлил шаг:

— Больше не бегай так быстро.

Цзи Цинье бросил на него короткий взгляд и ничего не сказал. Ся Хуайянь увидел, как он достал из пачки сигарету, но, видимо, о чём-то вспомнив, тут же убрал её обратно.

Красное пятно на колене, поначалу едва заметное, теперь расплылось, резко выделяясь на бледной коже.

С самого детства он был таким: стоило обо что-нибудь удариться, как на теле тут же появлялись отёки и покраснения. Даже если в первые секунды ему было не больно, вид серьёзного повреждения заставлял его тайком утирать слёзы.

Зрительное восприятие словно подстёгивало боль, заставляя его чувствовать себя обиженным, а слёзы — течь рекой.

Ся Хуайянь заметил, как взгляд Цзи Цинье задержался на нём на пару секунд.

Цвет левого колена постепенно темнел, возможно, ближе к ночи там останется синяк.

Горло горело, а в носу стоял лёгкий затор.

Рука мужчины была прохладной, но широкой, и от того, как она охватила его пальцы, по телу разлилось удивительное чувство.

Вообще-то он не любил плавать в слезах, а уж тем более казаться таким жалким перед незнакомцами.

Но после того, как матери не стало и о нём некому стало заботиться, он отучился плакать при посторонних.

Весь он походил на маленький шаровой молний, отчего в голове стоял густой туман.

— Дай взглянуть.

Ся Хуайянь чувствовал боль, но никак не ожидал, что всё настолько серьёзно. Он протянул руку, чтобы потрогать ушиб, но, не осмеливаясь надавить сильнее, обиженно отдёргнул пальцы и послушно сложил их на коленях.

Взгляд Ся Хуайяня оторвался от лица Цзи Цинъе.

Мужчина слегка опустил голову, и чёткая линия челюсти сглаживала резкость его черт, придавая всему лицу мягкое и тёплое выражение.

Прислушиваясь к затихающему за окном шуму дождя, Ся Хуайянь, постепенно выбирающийся из кошмаров и темноты, теперь соображал куда лучше, чем сразу после пробуждения.

Заметив свет в кабинете, Ся Хуайянь подсознательно решил, что там находится Цзи Цинъе, и потому прибежал именно сюда в поисках помощи.

Знай он, что в кабинете сидит еще и Линь Фэн, он бы ни за что сюда не сунулся.

Как бы сильно он ни боялся, он бы стерпел.

Теперь же он не только отвлёк Цзи Цинъе от работы, но и заставил Линь Фэна посчитать его источником проблем.

Но всё же — будь то странный обморок в середине дня или недавняя попытка найти Цзи Цинъе — Ся Хуайянь искренне чувствовал себя виноватым. Доставлять людям хлопоты не входило в его намерения.

Его ранимая и хрупкая душа сжалась от неловкости, и он не знал, куда деть руки.

Желая извиниться перед Цзи Цинъе, он поднял голову и посмотрел на него:

— Генеральный директор Цзи, прошу прощения, что помешал вашей работе. Мне уже лучше, я пойду.

Он попытался встать, но перед глазами постепенно выросла тень, а в нос ударил знакомый, заставляющий сердце биться чаще, тонкий аромат.

Глядя на лицо мужчины, оказавшееся так близко, Ся Хуайянь остолбенел и потерял дар речи.

В груди колотилось сердце, и на него вновь накатывало то удушающее, пугающее, но вовсе не противное чувство.

Мужчина приближался всё ближе. Ся Хуайянь крепко зажмурился, но от ледяного прикосновения ко лбу его тело слегка задрожало.

— Всё ещё горячий. Плохо себя чувствуешь?

Услышав слова Цзи Цинье, Ся Хуайянь наконец открыл глаза.

Мужчина стоял прямо перед ним, настолько близко, что Ся Хуайянь даже не понимал, отчего он нервничает — из-за сократившейся дистанции или исключительно из-за самого Цзи Цинье.

За всю свою жизнь он общался с малым кругом людей, а уж о различных проявлениях чувств и говорить нечего — он просто не умел их понимать и различать.

Он не мог разобраться в собственных эмоциях, и в голове царил полный кавардак.

Лишь невыразимый стыд заставил его щёки вспыхнуть ещё сильнее.

На какую-то секунду ему показалось, что Цзи Цинье собирается его поцеловать, но у того и в мыслях не было ничего подобного.

Нет-нет, вовсе нет.

Он не был настолько падким на чужую внешность человеком.

Боясь, что кто-то догадается о его мыслях, Ся Хуайянь забормотал что-то невнятное, не в силах выдавить из себя ни слова.

Он уставился на отчётливо очерченные кончики пальцев Цзи Цинье, застывшие перед его глазами, словно зачарованный.

Ему хотелось, чтобы о нём проявляли больше заботы, чтобы на него обращали больше внимания, и поэтому он произнёс свою первую в жизни полуправду-полуложь. Тихонько выдохнув, он проговорил:

— Угу... кажется, мне нехорошо.

Он поднял взгляд на Цзи Цинье, но тут же испуганно отвёл глаза, не смея смотреть на него. Опустив голову, словно провинившийся ребёнок, который врёт от безысходности, он неуверенно добавил:

— Потому что я заболел и ещё не выздоровел.

Его актёрская игра была слишком жалкой, и Ся Хуайянь подумал, что его обман вот-вот раскроют.

Однако, поразмыслив немного, он вместо упрёков услышал тихий смешок прямо над своей макушкой.

Ся Хуайянь поднял на него глаза: хотя лицо мужчины по-прежнему оставалось холодным, на нём определённо играла улыбка.

Он улыбался, и от этой красивой, чуждой для окружающих лица улыбки в нём появилась какая-то необъяснимая близость.

Ся Хуайянь понял, что тот раскусил его ложь. Покраснев до кончиков ушей и не зная, как оправдаться, он услышал лишь мягкое согласие Цзи Цинье — «Угу», — за которым последовал спокойный вопрос:

— Проголодался? Поешь и выпей лекарство.

Реальный Цзи Цинье несколько отличался от того «живого ямы», о котором ходили легенды.

Да и от его собственного представления он тоже сильно разнился.

Особенно сегодняшним вечером: его отношение к нему было каким-то странным и обезоруживающим.

И как только этого хладнокровного снаружи, но мягкого внутри «живого Будду» умудрились демонизировать до положения лютого злодея?

Из-за того смешка Ся Хуайянь сгорел со стыда и мог лишь кивнуть, надеясь поскорее сменить тему.

Линь Фэн долго ждал у дверей, пока наконец не увидел выходящего Ся Хуайяня. Следом за ним шёл Цзи Цинье, который, по идее, должен был оставаться в кабинете.

Днём он получил от Цзи Цинье сообщение, съездил в аптеку за лекарствами, а заодно захватил важные рабочие документы.

Он никак не ожидал застать момент, когда Ся Хуайянь преспокойно вошел в кабинет Цзи Цинье, и уж тем более — что Цзи Цинье не проявит ни малейшего признака недовольства.

Отношение Цзи Цинье к Ся Хуайяню действительно заслуживало внимания.

Но, руководствуясь золотым правилом — делать побольше, а говорить поменьше, — Линь Фэн не испытывал излишнего любопытства к их взаимоотношениям.

А вот Юй Сяншань — тот под вечер позвонил ему, явно пытаясь выверить хоть какие-то сплетни.

Откуда же ему было знать? Даже будучи личным помощником на побегушках в режиме двадцать четыре на семь, он понятия не имел, откуда взялся Ся Хуайянь и чем он заслужил такое благоволение Цзи Цинье.

Даже если бы он знал, всё равно не смог бы никому рассказать.

Заметив выходящих мужчин, Линь Фэн сказал:

— Генеральный директор Цзи, тогда я поеду. Завтра утром я попрошу дядю Ли пригнать машину к вашему приезду.

Цзи Цинье кивнул.

Ся Хуайянь стоял между ними. Босые ступни касались пола, и прохлада от паркета вызывала у него лёгкое смущение.

Поджав пальцы ног и опустив голову, он стоял неподвижно, не смея уйти первым, раз уж вышел вместе с Цзи Цинье.

Стоило им закончить разговор, и прежде чем Линь Фэн успел развернуться, живот Ся Хуайяня громко заурчал.

Его лицо залилось краской. Он мгновенно прикрыл живот руками, готовый провалиться сквозь землю, и лишь молил всех богов, чтобы этого никто не услышал — хотя понимал, что это невозможно.

Урчание в животе не поддавалось контролю. Огорчённый до предела, он понурил голову, но, к счастью, и Цзи Цинье, и Линь Фэн обладали достаточным тактом и воспитанием, чтобы не насмехаться над ним.

— Я пойду в комнату обуться, — указав в сторону коридора, пробормотал Ся Хуайянь. — Я пошёл.

Цзи Цинье ничего не ответил, но, видимо, вспомнив о чём-то, бросил Линь Фэну:

— Пусть подготовят Виллу «Зеленые воды», Цзи Наньнань говорила, что хочет там устроить празднование дня рождения.

— Хорошо.

Ся Хуайянь шёл небыстро — из-за недавнего падения колени ныли. Услышав обрывок разговора Цзи Цинье и Линь Фэна, он решил, что те будут беседовать ещё долго, и его мысли унеслись куда-то далеко.

На самом деле он жутко боялся заходить в свою спальню: он понятия не имел, где там включается свет, и бросил ту фразу лишь ради того, чтобы скрыть неловкость.

Вот ведь беда, какой же он трусишка.

Едва эта мысль промелькнула в голове, как сзади раздался неторопливый шаг, и прежде чем он успел обернуться, кто-то подхватил его на руки.

Ся Хуайянь тихонько ахнул. Внезапный полёт застал его врасплох, и он инстинктивно ухватился за мужчину.

Рассмотрев, кто именно держит его на руках, он поспешно убрал руки с чужей шеи и тихо пробормотал:

— Генеральный директор Цзи... опусти... опустите меня.

Украдкой бросив взгляд на шедшего сзади Линь Фэна, Ся Хуайянь шёпотом произнёс:

— Я сам могу идти.

— Вот как?

Голос мужчины звучал так, будто он намеренно понизил громкость до шёпота, отчего уши Ся Хуайяня запылали.

— Д-да. — Услышав ответный вопрос, Ся Хуайянь совсем растерялся и после своего «да» уже не смог выдать из себя ни слова.

Цзи Цинье тоже больше ничего не говорил. Смотря прямо перед собой, он бросил Линь Фэну:

— Выбери время и разберись с делами Компании Ся.

При этих словах тело Ся Хуайяня мгновенно напряглось.

Он не знал, сказал ли Цзи Цинье это специально у него на глазах, чтобы он услышал, но тяжёлый камень, давивший на сердце, наконец-то немного сдвинулся с места.

Подняв взгляд, он увидел отчётливую линию мужского подбородка. Его впервые несли на руках вот так: помимо неловкости, внутри рождалось странное ощущение того, что о нём кто-то искренне заботится.

Пока он предавался этим мыслям, Ся Хуайянь внезапно услышал слова мужчины:

— Я тебя не обманывал.

Тот посмотрел на него, словно ожидая подтверждения.

Ся Хуайянь тут же вспомнил, как днём в кабинете сам спрашивал его, не врёт ли он ему.

Как странно: кисло-сладкое чувство волной поднялось из глубины груди. Ся Хуайянь прикусил губу, испытывая внезапное желание сбежать.

Не ответив, он тут же услышал новый вопрос Цзи Цинъю:

— Ведь так?

<http://bllate.org/book/22055/2293384>